

Глубоко под землей мира живых, в месте, куда не проникает свет, в замке теней жила я.

Он располагался на высокой каменной платформе, его башни спиралями поднимались в бескрайнее небо Ёми, крыши были изогнуты, точно когти, а края расплывались в ночи, словно замок обвил, пытаясь задушить, черный туман. Большинство людей никогда не имели неудовольствия лицезреть мой чудовищный дом в крошечной тьме Ёми, но шинигами, как и я, видели его ясно и четко.

Я преклонила колени на выложенном гладкими плитками пустом дворе сразу за лотосовым прудом. Каждый вздох разносился во тьме вечным эхом. Временами ночь казалась такой тихой и пустой, что мне чудилось, будто она прислушивается ко мне, ждет меня, и стоит мне лишь подобрать правильные слова, как небо раскроется и сверху польется свет.

Один из моих теневых стражей парил рядом со мной в ожидании приказов, его фигура то угасала, то проявлялась четче, пульсируя, словно сердце. Моими стражами были создания, сотканые из теней, — нечеловеческие

существа, рожденные из забытых снов мертвых, души без тела, которое можно назвать домом, бесформенные и эфемерные. В моем дворце их было полно, как и служанок — женщин, навсегда привязанных к замку из-за сделок, когда-то заключенных с Идзанами. Большинство из них выторговывали еще немного времени в мире живых — либо для себя, либо для своих близких. Я понятия не имела, было ли их молчание обусловлено страхом или Идзанами заставила их умолкнуть каким-то проклятием.

— Пусть Тиё пришлет кого-нибудь убрать двор, — приказала я, увидев после себя грязные следы на камнях. Грязь больше беспокоила Тиё, чем меня, но я хотела, чтобы страж оставил меня одну.

— Да, Ваше Величество, — сказал он, растворяясь во тьме.

Прежде чем войти внутрь, я направилась к западному крылу двора, где тьма густела, словно патока, цепляясь за мои сандалии. Спустя несколько шагов я уже не могла разглядеть свои руки — и это с моим-то зрением шинигами. Мир сжался до медленного сердцебиения и струящегося по коже холодного пота; по мере того как мрак сгущался, на плечи все сильнее давила тяжесть тысячи миров.

На границе непроглядной тьмы я упала на колени, вытянув вперед руку. Ладонь прижалась к холодной стене, невидимой, но все же неуступчивой. За ней мрак был настолько плотным, что казалось, будто мир там просто перестает существовать.

Я уперлась в стену, чувствуя, как скрипят мои кости и протестуют суставы. Я была достаточно сильна еще до того, как стала богиней, могла стирать в пыль кирпичи и скручивать сталь словно тесто. После того как я стала богиней, мой гнев мог заставить дрожать горы, а мое

прикосновение — разбивать алмазы. И все же стена, отделявшая меня от непроглядной тьмы, не поддавалась. С годами она ослабла — я слышала, как поскрипывают крошечные трещины, — но тем не менее продолжала стоять.

Поначалу я могла сидеть перед ней часами, ударяя в нее кулаком, ломая пальцы и выбивая запястья, но теперь я знала, что, сколько бы времени я ни потратила на удары, это не поможет, если я не буду достаточно сильна. Чтобы ослабить барьер, нужно поглотить больше душ. Так что, вместо того чтобы продолжать стучать по стене, я уронила подбородок на руки и уставилась во мрак, шепча тайную молитву и надеясь, что где-то там, в этой темной бесконечности, Нивен может услышать меня.

Находясь в отчаянии, люди предлагали мне все что угодно, лишь бы избавить себя и своих близких от страданий. Но мне больше некому было молиться. Я сменила на троне собственную богиню и теперь знала жестокую правду: божества так же беспомощны, как и люди, когда дело касается того, что действительно важно.

Я поднялась на ноги и поплелась обратно к дверям дворца, где, вытянувшись на посту, стояли еще два теневых стража. Как только я подошла, они поклонились, затем подняли большие металлические решетки, преграждавшие путь в замок, и впустили меня внутрь.

Тиё ждала прямо за дверьми со скрещенными на груди руками. Из всех служанок, оставленных Идзанами, я выбрала ее. Несмотря на то что Смерть часто размывает черты лиц, во взгляде Тиё всегда читалась готовность к внезапной атаке. Она была единственной служанкой, которая, казалось, сохранила частицу своей души после того, как шинигами съел ее сердце. У всех других были пустые глаза

и поникшие от страха плечи, но на лице Тиё, когда я вызывала у нее недовольство, появлялось кислое выражение, которое нравилось мне намного больше. Я предполагала, что она умерла где-то в тридцать с небольшим, хотя строгость старила ее.

— На этот раз вы задержались, — заметила Тиё, хмуро глядя на грязные следы позади меня. — Богиня смерти разучилась быстро убивать?

— Как будто я заставила тебя ждать, — хмыкнула я, шагнув в дверной проем.

Тиё даже не пыталась скрыть неодобрение по поводу моего дополнительного сбора душ. Но она помогала мне, потому что я была ее богиней и попросила ее об этом, а ей хотелось верить, что богиня лучше знает, как поступить, хотя мы обе понимали, что это не так.

Взмахом руки я зажгла в коридоре церемониальные свечи, осветив дворец тусклым источником. Тиё вздрогнула, как будто я запустила фейерверки, но я проигнорировала это и прошла мимо, оставив на полу грязные следы.

Одно из многих изменений, которые я ввела после получения власти над Царством Вечной Ночи Идзанами, заключалось в том, что я всегда оставляла во дворце хотя бы слабый свет. Несмотря на то что с моими способностями шинигами я различала мебель и настенные картины даже в полном мраке, я также начала видеть лица там, где их быть не могло. В бесформенном вихре тьмы они возникали осколками и сливались воедино — смутные кошмары, которые рассеивались, стоило мне моргнуть, и появлялись вновь, когда я отворачивалась.

Тиё с поклоном открыла дверь в ванную комнату. Она попыталась, как и каждый день до этого, помочь мне раздеться, но я остановила ее взмахом руки. Другие слуги

наполняли ванну обжигающе горячей водой. Я сбросила свою грязную одежду, оставив ее лежать на полу мокрой кучей.

— Сожги это, — велела я Тиё, залезая в ванну.

Моя одежда провоняла кровью, и спасти ее было невозможно, даже если бы я захотела.

— Обычно божества не тратят столько кимоно впустую, — упрекнула она меня, собирая грязный ворох ткани.

— Обычно божества ничего не делают, — парировала я, вымывая кровь из-под ногтей. — Они лишь наслаждаются человеческими молитвами, пока их подчиненные делают за них всю грязную работу. Но у меня есть задачи, выполнить которые правильно могу только я.

Тиё что-то уклончиво промычала себе под нос — она всегда так делала, когда не могла подобрать достаточно вежливые слова, чтобы ответить своей богине. Однако спорить Тиё не стала. Истории всех синтоистских божеств наполнены великими приключениями, грандиозными завоеваниями и слезливыми трагедиями, но все это происходило во времена зарождения мира. Начиная же с эпохи современности особенно деятельным, казалось, никто из них не был.

Хотя я и не ожидала, что кто-то из них примет меня с распростертыми объятиями, никто даже не соизволил послать мне весточку. Тиё немного рассказывала мне об их деяниях: когда по Японии проносились тайфуны, это, скорее всего, было дело рук Фудзина, бога ветра. А если начинало расти население — это вступала Инари, богиня плодородия. Однако никто из них никогда не осушал моря, не окрашивал небо в пурпурный цвет и не совершал богоподобного чуда — словом, не делал ничего, что нельзя

было бы объяснить природой или удачей. Я представляла их безвылазно сидящими в своих дворцах и праздно наблюдающими за переменчивыми ветрами.

— Случилось ли в мое отсутствие что-нибудь важное? — спросила я.

Тиё прекрасно понимала, что под словом «важное» я имела в виду любую ситуацию, с которой мне нужно разобраться немедленно, потому что в противном случае мир рисковал погрузиться в хаос и разруху. Со всем остальным она могла справиться сама.

— В Ёми все спокойно, Ваше Величество, — ответила она. — Сейчас Обон — а значит, мертвые наверху.

Каждый год я неизменно забывала о фестивале Обон, пока он не подкрадывался вплотную, отмечая увядание лета и уход еще одного года, за который ничего не изменилось. Сейчас этот праздник стал буддийским, но я соблюдала его как синтоистская богиня, потому что эти две религии давно переплелись в жизни японцев. Каждый год души умерших возвращаются в свои родные земные города, следуя за зажженными огнями. Спустя три дня празднеств и танцев огонь провожает мертвых обратно в Ёми. Обычно это означает, что меня никто не побеспокоит целых три дня.

— Но в тронном зале ждут шинигами, — добавила Тиё.

— С какой целью? — Я нахмурилась и провела пальцами по мокрым волосам. Вода помутнела от крови.

— Полагаю, они надеются на перевод.

Я вздохнула, кивая и стирая со лба кровь. Моя вина, что я осмелилась надеяться, будто Обон подарит мне несколько дней покоя и тишины в Ёми. Разве я имею право на это?

— Полагаю, сказать им, чтобы они пришли завтра, ты не можешь, верно?

Когда Тиё повернулась к свету, словно обдумывая мою просьбу, ее губы дернулись в тонкой улыбке, а глаза сверкнули, точно заточенные кинжалы. Ей приходилось проявлять терпение, и я знала, что оно не бесконечное.

— Ладно, — отозвалась я, глубже погружаясь в воду, — но я не стану встречаться с ними, пока выгляжу как мокрая кошка. Так что им придется еще немного подождать.

— Разумеется. — Поклон Тиё показался мне саркастичным, хотя я не смогла бы это подтвердить. — Я позабочусь о вашей одежде и прикажу вымыть полы, — добавила служанка, поворачиваясь к выходу.

— Тиё.

Она остановилась в дверях.

— Да, Ваше Величество?

Задавая следующий вопрос, я не нашла в себе смелости взглянуть на нее, потому что знала, что легко прочту ответ по ее глазам. Вместо этого я уставилась на свое отражение в мутной воде — уродливое и грязное, прямо как я.

— Стражи нашли что-нибудь в непроглядной тьме? — спросила я.

Каждый день перед ее ответом наступало мгновение тихого ожидания, когда я затаивала дыхание, позволяя себе надеяться. Иногда я останавливала время и цеплялась за этот миг еще немного, мечтая, что, может быть, сегодня — именно тот день.

— Нет, Ваше Величество, — произнесла Тиё. В этот момент в ее голосе обычно появлялась мягкость. — Может быть, завтра.

— Да, — отозвалась я, так сильно ерзая в ванне, что отражение рябило и ломалось, — может быть.

Она снова поклонилась и поспешно вышла. Я взглянула на свое кольцо на столике и погрузилась под воду.

Я закрыла глаза, и на меня обрушилась волна свежих душ, тепло закружилось в моей крови, обжигая меня всю, от сердца до кончиков пальцев. Я всегда чувствовала, когда мои шинигами приносили свежие души. Перед закрытыми глазами проносились тысячи имен, под веками вспыхивали кроваво-красные кандзи*. Боль в костях немного утихла, ко мне вернулось тепло. С каждой новой душой я все меньше чувствовала себя самозванкой, которую совсем недавно протащили сквозь влажную землю и у которой болел переполненный сердцами желудок, и чуть больше — настоящей богиней.

Я вышла из ванной и направилась в свою комнату, где уже ждали слуги с чистой одеждой.

Когда я впервые села на трон, меня пытались обрядить в такие тяжелые, двенадцатислойные одежды, что я едва могла стоять.

— Императорский дзюни-хитоэ — подобающая одежда для богини, — сказала тогда Тиё.

Но я не чувствовала себя богиней ни тогда, ни сейчас. Я была просто жалкой девчонкой, чей гнев погубил сначала ее брата, а потом и жениха, и ее утешением за это стала одинокая вечность во тьме. Я не заслуживала трона и не желала его. Но это был единственный способ остаться в Ёми, на границе непроглядной тьмы, — и дальше следовало либо дождаться, пока стражи приведут Нивена

* Китайские иероглифы, используемые в современной японской письменности наряду с хираганой, катаканой, арабскими цифрами и ромадзи.

обратно, либо набраться достаточно сил, чтобы сломать стену и отправиться за ним самой. А до тех пор мне придется играть эту роль.

— Я хочу простое черное кимоно, — сказала я тогда Тиё. — Меня не интересует красота — мне нужна свобода движений.

— Ваше Величество, — отозвалась Тиё, и ее лицо казалось, — черный — это чересчур траурно для богини.

— И что с того? — Я сбросила последние пурпурные одежды на землю и осталась в нижнем белье. — Мой брат исчез, моя мать умерла, я вонзила церемониальный кинжал в сердце своего жениха. Так что я имею право носить траур, если захочу.

Тиё ничего не ответила, лишь низко поклонилась, чтобы скрыть выражение своего лица, а на следующий день пополнила мой гардероб такими же темными кимоно, как бескрайнее небо Ёми, и с тех пор я носила только их.

Слуги одели меня, туго затянув кимоно сзади. Даже сейчас все это напоминало мне о том, как один человек впервые помог мне надеть кимоно. Его руки тогда сияли, точно лунный свет, и пахли соленой морской водой.

Служанка с поклоном протянула мне часы, которые я прикрепила к одежде и засунула за обй*. Найти в Ёми новые часы из чистого серебра и золота было нелегко, но, как оказалось, богини смерти получают практически все, чего бы ни захотели. Я так и не нашла часы Нивена, которые выронила в тронном зале много лет назад, несмотря на то что мои слуги перетрясли каждую циновку и обшарили каждый угол дворца. Я подозревала, что Хиро уничтожил их.

* Несколько различных типов японских поясов, носимых как мужчинами, так и женщинами поверх кимоно и кэйкоги.

Тиё попыталась помочь мне с волосами, но я отступила от нее, чтобы расчесаться самой. Слишком долго я скрывала от жнецов цвет своих волос, чтобы теперь заплетать их «подобающим» образом. Все равно ничто во мне не укладывается в рамки традиций или приличий, так какая разница, как уложены мои волосы? Я надела цепочку с кольцом, поднялась на ноги и распахнула двери своей комнаты до того, как это успели сделать слуги. Они упали на колени, рассыпаясь в извинениях, но я, не обращая на них внимания, промчалась по коридорам мимо фресок, отражающих историю Японии: Идзанаги и Идзанами, протыкающие небо копьем, рождение их первенца, Хиро, и остальных детей — божеств Солнца, Луны и бури.

Поначалу я думала, что кто-то написал эти фрески, чтобы сохранить историю. Но оказалось, что дворец обладает собственным разумом: всего через несколько дней после моего восшествия на трон я обнаружила новую картину. На ней в тени была изображена сердитая девушка со свечой в одной руке и часами — в другой, стоявшая у святилища под открытым небом, с крыши которого капала кровь. У ног ее лежало тело мужчины.

Я приказала слугам закрасить картину и не моргая наблюдала, как они это делают, но на следующий день фреска проявилась снова. Что бы я ни делала, уничтожить ее, казалось, было невозможно. Больше я не ходила в то крыло дворца.

Стражи у входа в тронный зал поклонились и открыли двери, когда я прошла мимо.

На напольных подушках стояли, преклонив колени, два шинигами: мужчина и женщина. На них были темно-красные халаты, расшитые золотыми драконами, от которых отражалось бледное пламя свечей. Мне всегда казалось

несправедливостью, что они могут носить форму шинигами, в то время как у меня не было на это даже шанса — а ведь их жизни были такими простыми и полноценными.

Я поднялась на возвышение и уселась на трон. Церемониальные свечи освещали его будто театральную сцену. На стене надо мной висела катана Идзанами.

В этой комнате я впервые встретила Идзанами — когда еще искренне верила, что она может мне помочь. Прежде расстояние от раздвижных дверей до огромного возвышения с тронном богини казалось мне путем в тысячу миль, а бледные тростниковые циновки — бесконечной пустыней, от которой у меня нервно потели ладони, пока я ползла по ним вперед. Теперь же это была просто комната, наполненная эхом и тьмой, с роскошным, но неудобным креслом и висевшим над головой орудием убийства, потому что я не знала, куда еще его можно деть. Величественной эту комнату делал страх перед Идзанами, но ее больше не было.

Пока шинигами кланялись мне, я села на трон и скрестила руки на груди. Затем закрыла глаза. В темноте разума всплыли имена.

— Ёсицунэ и Канако из Наосимы, — сказала я, открывая глаза, — говорите.

— Ваше Величество, — начал мужчина по имени Ёсицунэ, — мы пришли просить вашего разрешения на переход в Тоттори.

Я вздохнула. Пустая трата времени. Ради этого не стоило даже одеваться.

— Нет, — отрезала я. — Это всё?

— Но... — Канако слегка приподнялась, — почему нет?

— «Ваше Величество», — напомнила я ей, поморщившись. Честно говоря, я ненавидела этот титул, но стоит

позволить им обращаться ко мне неформально, как меня тут же начнут звать «Рэн» или «жница».

— Почему нет, Ваше Величество? — повторила Канако, хотя из ее уст это прозвучало скорее как оскорбление.

— Ты знаешь почему, — ответила я. — Не трать мое время.

— В Тоттори живет ее отец. Он уже немолод, — Ёсицунэ нахмурился, будто это было всецело моей виной. Как быстро их почтительные поклоны сменились свирепыми взглядами в мою сторону. Все как обычно: готовы притворяться, что я их богиня, но лишь до тех пор, пока я даю им то, чего они хотят.

Большинство шинигами не настолько близки со своими родителями, чтобы это могло служить оправданием такой просьбы. Как и у жнецов, для шинигами единственная польза от семей — это союзы и защита. Как только дети заключают брак, у них больше нет необходимости видаться с родителями. Одна из многих причин, по которым мой отец сразу от меня отсекся, вероятно, заключалась в том, что он не верил, что я когда-либо выйду замуж, иными словами — что у него не будет удобного предлога исчезнуть из моей жизни. Я глубоко сомневалась в том, что эти шинигами действительно хотят переехать по такой благородной причине.

— Мне не придется еще больше шинигами в Тоттори, — отрезала я. — Население там почти не растет. Можете перевестись в Токио или Осаку, но Тоттори и так ломится от одуревших от скуки шинигами. Мой ответ: нет.

— Идзанами разрешала нам оставаться с нашими семьями, — возразил Ёсицунэ, взирая на меня сквозь темноту.

«Ложь», — прошептал голос в голове. Слова царапали уши изнутри, будто голова была набита пауками. Я могла простить многое, но сравнение меня с Идзанами редко заканчивалось хорошо. Как бы я ни хотела исполнить их желание и заткнуть им рты, гораздо хуже разгневанных шинигами были души, парящие в эфире, потому что на них не хватало собирателей. Тогда, вместо того чтобы считать меня бессердечной, другие шинигами заклеивают меня за непрофессионализм, что намного серьезнее.

Разумеется, у них нет врожденного уважения ко мне — чужеземке, резко сменившей на троне создательницу их мира. Жнецы обладают безупречным слухом, а потому я прекрасно представляю, как они перемывают мне косточки перед тем, как я призову их на аудиенцию. Они шепчутся о том, что я соблазнила Хиро, только чтобы украсть его царство, что я превратила Японию в рабскую колонию Англии, что у меня нет права сидеть на троне Идзанами и отдавать приказы. Последнее я даже не могу опровергнуть.

Что ж, раз они меня не уважают, то пусть боятся.

Мои тени потянулись и обхватили их руки и ноги, раскидав по разные стороны комнаты. Когда тени вжали просителей в стены, те закричали. Длинные щупальца тьмы извивались вокруг их шей, поднимали веки, изучая мягкую плоть, щекотали носы, заглядывая в мозг.

Как только тени нырнули Ёсицунэ в горло, у него на глазах выступили слезы, но Канако, плюясь в мою сторону чернильной тьмой, откусила черные щупальца прежде, чем они успели задушить ее.

— *Кто из вас хочет умереть первым?* — спросила я на языке Смерти. Он отлично подходил для угроз: несмотря

на то что в моих словах не было и намека на изящность, язык Смерти скручивал их в зловещую мелодию, от которой кожа шинигами покрывалась мурашками.

— Вы не можете убить нас, и вы это знаете! — закричала Канако. — Население растёт очень быстро, и вам нужны все шинигами, что у вас есть!

К сожалению, она была права. Хотя смерть любого шинигами заканчивается рождением нового, ждать ещё сто лет, пока они вырастут и закончат обучение, я не могла. Чтобы справиться с ростом населения, нужно больше шинигами, и они уже появились, но ещё слишком молоды, чтобы собирать души.

— Есть вещи похуже смерти, — сказала я. Это я знала лучше всех.

Я сломала им ноги и швырнула обоих на пол.

Мужчина и женщина со стоном упали на циновки, тени отступили ко мне. Конечности заживут через пару часов.

— Тиё, — позвала я.

Двери мгновенно отворились, как будто служанка все это время ждала за ними, прижимаясь ухом. В её широко распахнутых глазах читалась тревога, и на мгновение я заколебалась: она привыкла к моим вспышкам гнева, когда я имела дело с шинигами, так что две пары сломанных ног не могли настолько выбить её из колеи. Наверняка случилось что-то ещё.

Но, что бы это ни было, ей придется решить проблему самой. У меня не хватит терпения ещё на одну катастрофу прямо сейчас.

— Пусть их вышвырнут наружу, — велела я. — Могут отправиться домой ползком.

— Да, Ваше Величество, — ответила Тиё. — Могу ли я...

Когда я прошла мимо шинигами, Канако ухватилась за мою щиколотку, вынуждая остановиться. Я повернулась к ней. Ее лицо исказилось от боли, но хватка была железной.

— Все еще не чувствуешь уважения? — спросила я, сжимая челюсти. — Я могу убить тебя. Уверю: я легко обойдусь без одного шинигами.

Канако покачала головой, впиваясь ногтями в мою кожу.

— Я не поклоняюсь чужим богам, — сказала она.

Вздыхнув, я выдернула ногу из ее пальцев и с силой наступила ей на руку. Та хрустнула, точно зачерствевший хлеб.

— Вышвырни их сейчас же, — бросила я Тиё, проносясь мимо.

«Чужие боги», — повторяла я про себя, следуя к кабинету. Эта проблема никогда не исчезнет. Я перестала бороться с ярлыком «чужачки» много лет назад, поняв, что это бесполезно. Божеств не должно волновать, что о них думают низшие существа. Моя мощь должна была погасить это слабое смертное сомнение. Потому что если она на это неспособна, то ради чего я пожертвовала всем?

Однако, несмотря на всю свою силу, я продолжала находиться в ловушке. Неважно, что слово «чужачка» жалило меня сейчас меньше, чем десять лет назад, итог был прежним: меня никто не уважал. Никакой самоанализ и никакая уверенность в себе не могли изменить того факта, что я не сумела заставить других называть меня иначе. Даже будучи самым могущественным суще-

ством в Ёми, я осознавала: ничто из этого мне по-настоящему не принадлежит. Дворец — кукольный домик, драгоценности — игрушки. Все вокруг было подделкой, потому что таким, как я, не разрешается называться богинями.

— Ваше Величество! — позвала Тиё, спеша за мной.

— Я иду в кабинет, — откликнулась я.

— Но, Ваше Величество, там, в холле, кое-кто дожидается...

— Мне плевать, даже если сама Идзанами восстала из могилы и явилась на чай.

Тиё закрыла рот, но при упоминании Идзанами ее глаза выпучились.

— Тиё, — я замерла, — неужели Идзанами...

— Нет-нет, Ваше Величество, — спохватившись, тут же покачала головой Тиё. — Но это кое-кто, с кем, я полагаю, вы захотите поговорить.

Я вдохнула, раздраженно сжав зубы:

— Кто?

Тиё уставилась себе под ноги.

— Он не назвался, но его лицо...

Она замолчала, но этого было достаточно, чтобы заставить меня сомневаться. Тиё не стала бы тратить мое время попусту. Если она отвлекла меня из-за этого гостя, значит, он был чем-то важен.

Повернув обратно, я последовала по коридору к входу во дворец. Тиё семенила за мной. Я вышла в главный холл, проскользнув мимо теневых стражей. Стены здесь золотые, украшенные фресками, а потолок расписан тысячами цветов.

У дверей, скрестив руки, стоял мужчина и рассматривал красочные стены. На нем было кимоно неземного

белого цвета, которое сияло так ярко, будто излучало туманный свет. Он обернулся, столь же прекрасный и устрашающий, как бескрайнее море, с кожей, сияющей лунным светом, и глазами цвета самого черного угля. Человек, которого я никогда не ожидала увидеть снова.

— Хиро?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

